

ИСТОРИОПИСАНИЕ АНТИЧНОСТИ

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2021. № 2. С. 94–105.

DOI: 10.47475/2542-0275-2021-0211

Хроника Проспера Аквитанского: проблема редакций и источники

А. М. Скворцов

*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им С. И. Вавилова
Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. artyom-skvorcov@yandex.ru*

Приводится обзор точек зрения в историографии на возможные версии Хроники Проспера Аквитанского. Ещё Т. Моммзен в конце XIX в. выделил пять редакций Хроники: 433, 443, 445, 451 и 455 гг. Автор статьи, разбирая доказательства в отношении каждой из них, приходит к выводу о надёжно засвидетельствованных редакциях 433, 445, 455 гг. При этом лишь последняя является концептуально завершённой, остальные же отличаются фрагментарностью концепции. Версии 443 и 451 гг. следует признать недоказанными. Обосновывается, что Проспер не являлся секретарём папы римского Льва I, но имел доступ к неофициальным консуляриям, циркулировавшим в большом количестве по территории Западной Римской империи. Вероятнее всего, Хроника составлялась в Галлии на протяжении 430–450-х гг. Надёжных данных о том, что Проспер писал исследуемый текст в Риме, нет. Помимо консулярий, Проспером использовались *De haeresibus* Аврелия Августина и *Liber generationes*. Аквитанец настолько творчески подошёл к своей работе, что выявить досконально все используемые источники практически невозможно.

Ключевые слова: *Проспер Аквитанский, поздняя античность, хроника, историописание античности, историография.*

Хроника Проспера являлась одним из востребованных текстов в средние века. Уже Кассиодор внёс её в свой знаменитый список рекомендованных для чтения произведений (*Cassiod. De inst. div. lit.* 27. 2). Имеющиеся сегодня в распоряжении исследователей (более 80) разновременные редакции условно можно поделить на *Chronicon integrum*, в которой «оригинальный» текст аквитанца (379–455 гг.) расположен за эпитомой Иеронима, и *Chronicon vulgatum*, где авторская часть Проспера следует после полного текста хроники Иеронима. Более поздние авторы хронологически расширяли версию Проспера, приводя события и после 455 г., при этом в исходный текст также могли вноситься изменения. Среди ранних редакторов и продолжателей Хроники следует выделить Виктора Туннунского, Кассиодора, Мариа Авентикского [Суровенков, 2006, с. 15]. Кроме того, произведение аквитанца использовалось также Идацием, Иорданом, Исидором, Бедой, Павлом Диаконом [Holder-Egger, 1876, s. 90]. В результате исходный текст Проспера имеет большое количество интерполяций, особенно в главах, кратких по содержанию [Holder-Egger, 1876, s. 32]. Пере-

писчики стремились ликвидировать немногословность в некоторых сюжетах. Из-за обилия рукописей установить время внесения тех или иных правок не представляется возможным. Единственная масштабная более поздняя вставка, о которой можно утверждать с большой долей вероятности, по словам О. Хольдер-Эггера, — информация точного содержания (вплоть до дней) о периодах понтификата римских пап, источник которой — *Liber pontificalis* [Holder-Egger, 1876, s. 34].

Р. В. Бёрджес и М. Куликовски в своей обобщающей работе определили следующие черты хроники как жанра историописания: паратактическая структура, отсутствие фиксированного финала и краткость [Burgess, 2013, p. 29]. Паратакис характеризуется пренебрежением формальными средствами связи между простыми предложениями, что создаёт трудность в установлении логического соотношения между частями предложения. Поэтому для неподготовленного читателя хроника представляет собой череду обособленных единиц текста и создаёт впечатление максимальной объективности автора. Кажется, что цель писателя передать большое количество фактов без оце-

ночных суждений. С другой стороны, такая структура приводила к открытости текста. Добавления довольно легко осуществляются при переработке хроники как самим автором, так и его потомками. В результате перед современными исследователями возникает ряд трудноразрешимых вопросов: сколько раз автор приступал к написанию хроники и редактировал ли текст? каковы были причины, побудившие его к добавлениям тех или иных фрагментов? что в тексте относится к интерполяциям?

В фундаментальных исследованиях О. Хольдер-Эггера и Т. Моммзена впервые была предпринята попытка решить обозначенные проблемы в отношении Хроники Проспера в комплексе. Преимуществом указанных немецких исследователей и вместе с тем особенностью их подхода является привлечение максимально доступного числа рукописей. При определении тех или иных редакций они исходили не только из содержательной стороны текста, но и из палеографических особенностей. Глубокая источниковедческая работа позволила сформировать список наиболее значимых для восстановления протографа кодексов, провести их внешнюю критику.

Т. Моммзен в конце XIX в. выделил пять вариантов Хроники, составленных Проспером, — 433, 443, 445, 451 и 455 гг. [MGH, 1892, p. 345]. Такой взгляд был доминирующим до появления работ С. Мюльбергера. Анализ различных редакций канадский историк предпринял в большей степени на основе изучения эволюции взглядов Проспера по вопросам церковной и политической истории и ряда концептуальных обобщений. С этих пор в историографии внимание к содержательной стороне Хроники стало преобладать при решении вопроса о её редактировании.

Практически не вызывают возражений издания 445 и 455 гг. До нашего времени дошло относительно много сохранившихся копий от редакции 445 г., которая рано начала циркулировать среди переписчиков. Написанные же продолжения заметно выделяются по сравнению с текстом протографа [Mommsen, 1892, p. 345].

Нет сомнений и в датировке последней версии Хроники Проспера — 455 г. Об этом свидетельствуют Виктор Аквитанский (Pasch. 7), Геннадий (De vir. ill. 85) и Кассиодор (De inst. div. 17. 2). Так, Геннадий, писавший в конце V в., сообщает: «Проспер, человек из региона Аквитания, сведущий в беседах и энергичный в утверждениях, говорят, написал много сочинений, из которых я, со своей стороны, прочитал хронику, которая

названа его именем и которая простирается от сотворения первого человека, согласно вере Священного Писания, до смерти Валентиниана августа и взятия города Рима Гизириком, королём вандалов» (De vir. ill. 85).

С другими изданиями ситуация в историографии несколько сложнее. Редакция 433 г. устанавливается по косвенным данным. В качестве одного из аргументов обычно приводится следующее наблюдение: в дошедшем тексте Проспера после указания на консулат Феодосия XIV и Максима (433 г.) следует суммирование лет: от Страстей Господних (Prosp. 1312), от восстановления храма при Дарии (Prosp. 1313), от первой Олимпиады и пророка Исаяи (Prosp. 1314), от Соломона и первой постройки храма (Prosp. 1315), [От Моисея и царя Аттики Кекропа] (Prosp. 1316), от Авраама и царства Нина (Prosp. 1317), от потопа же до Авраама (Prosp. 1318), от Адама же до потопа (Prosp. 1319). О. Хольдер-Эггер утверждал, что таким образом хронисты обычно заканчивали своё повествование, и в данном случае невозможно по-иному объяснить причины появления этих вычислений [Holder-Egger, 1876, s. 50]. И действительно, никаких знаковых происшествий, судя по тексту, в 433 г. не произошло. Отметим и ещё один аргумент. Незадолго до указанных подсчётов сообщается о занятии Святого престола Сикстом, причём можно было ожидать от Проспера обычной краткой формальной фиксации этого события, однако в данном случае автор добавляет: римский епископ возглавляет церковь «с удивительным миром и согласием» (1309). Скорее всего, прав С. Мюльбергер, который утверждает, что во время написания этих строк Сикст ещё здравствовал (умер в 440 г.), а событие — недавнее для аквитанца [Muhlberger, 1990, p. 31].

Наконец, для 433 и 434 гг. не зафиксированы какие-либо события, что довольно необычно для «оригинальной» части Хроники. Следующий подобный случай приходится на 445, 446, 447 гг. Здесь также Проспер отметил только пары консулов без повествования о произошедшем в это время. Можно предложить следующее объяснение. Самый ранний вариант Хроники был составлен в 433 г., второй — в 445 г. В силу того, что в эти годы происходила работа над текстом, автор не мог ещё определить для этих лет наиболее значимые события. После окончания работы и в первом, и втором случае, вероятно, он не вёл никаких политических дневников, не фиксировал случившееся каждый год. Но, приступив к тексту снова, Тиро попросту не смог вспомнить какие-то

значимые события для начальных лет второй и третьей редакции, поспешив записать хотя бы то, что сохранилось в памяти. Всё же наш хронист фиксировал не все факты без разбора, но только те, которые согласовывались с его концепцией.

Первое и второе издания отличаются и в содержательном плане. Л. Валентин называл хроннику Проспера произведением августиновского богословия [Valentin, 1900, р. 437]. Думается, что такое определение не следует распространять на все редакции. Французский исследователь доказывает свой тезис, выявляя сходства в изложении истории пелагианцев и в их характеристике в 1252, 1261, 1266, 1268, 1301, 1336 главах рассматриваемой Хроники с содержанием соответствующих глав в *De ingratis* и *Contra collatorem* [Valentin, 1900, р. 437]. Для Проспера важным аргументом для борьбы против ереси является ссылка на авторитет именно Аврелия Августина (Prosp. 1261). Своему учителю в богословии аквитанец пишет прямо-таки панегирик (Prosp. 1204, 1261, 1304).

В редакции 455 г. акцент делается на роли римских епископов в борьбе против ересей [Kötter, 2016, s. 8], то есть целевая установка претерпевает некоторые изменения. А. Хванг, проанализировав взгляды Проспера на большом комплексе произведений, определил такие периоды творчества аквитанца: жесткая августинианская фаза (426–435) и «зрелая» фаза (440–455). Последняя фаза характеризуется полной приверженностью Тиро римской католической экклезиологии [Hwang, 2009, р. 66–234]. В рамках каждого из этих двух периодов создаётся определённая версия Хроники. Отсутствие упоминания в издании 433 г. Гизрика на фоне повышенного внимания в последующих версиях текста (7 упоминаний) может быть принято в качестве аргумента для разграничения редакций лишь с оговоркой. Данное наблюдение объясняется не сменой местожительства Проспера, а, с одной стороны, поступившей позже информацией, с другой — концепцией автора.

Далее обратимся к разбору точки зрения о существовании версии 443 г. Её выдвинул Т. Моммзен [Mommsen, 1892, р. 345], основываясь на начальных словах Хроники Виктора Туннунского: «До этого момента религиозный муж Проспер создал порядок предыдущих лет. К этому мы добавили следующий материал» [Vict. Tonn. Praef.]. Однакостораживает отсутствие прямых упоминаний издания 443 г. в других источниках, а также каких-либо косвенных свидетельств на этот счёт в летописной традиции. На последнее обратил внимание в одной из своих статей С. Мюльбер-

гер, доказавший на основе сравнительного анализа близость и даже зависимость начальной части Хроники Виктора Тоннунского от Хроники Проспера образца 455 г., хотя лексическое сходство двух текстов неочевидно, и авторы различаются взглядами на описываемые события [Muhlberger, 1986, р. 240–244]. В современной литературе невозможно найти исследователей, которые бы в данном вопросе поддерживали Т. Моммзена. По мнению Д. Брукс, североафриканскому епископу *incipit* в такой формулировке был нужен для религиозных целей в условиях середины VI в. — поддержать халкидонское христианство, сделать собственные акценты на описываемых событиях первых десяти лет [Brook's, 2014, р. 28].

Издание 451 г. считается вероятным, но его довольно сложно доказать. Копий этого издания в летописной традиции не прослеживается, за исключением, возможно, парижского манускрипта lat. 4871. Но рукопись не даёт возможности сопоставить две версии — 445 и 451 гг., так как в ней доводится повествование до 94 г. н. э. Однако текст содержит важные начальные строки (*incipit*): «in nomine patris et filii et spiritus sancti incipit epitoma de cronicis quibus et generationes ab Adam usque ad Abraham et passionem domini omnes consules et que consecute sunt post finem Valentis usque consolatum Placidi Valentiniani Aug. et post Adelfi consolatum [курсив мой. — А. С.] adiecimus» [Цит. по: Mommsen, 1892, р. 346]. Указанный консулат Пластиция Валентиниана и пост-Адельфия приходится на 451 г. [Валентиниан III не признавал первое консульство Маркиана: Vagnall, 1987, р. 50]. С. Мюльбергер поддерживает Т. Моммзена в его утверждении о версии 451 г. и заявляет о смысловом единстве описанных Проспером событий в главах, посвящённых 445 (фактически с 447) — 450 гг.: перед нами история подъёма и поражения ереси Евтихия [Muhlberger, 1990, р. 56–57, 115]. Такая тематическая целостность подтверждается и словами Геннадия об участии Тиро в борьбе с евтихианством (85). Таким образом, вырисовывается, по С. Мюльбергеру, цель издания 451 г. — продемонстрировать успех Льва I в борьбе против отступников. Наконец, исследователь также замечает двукратное упоминание Халкидонского собора — в главах 1362 (450 г.) и 1368 (453 г.), что для жанра хроник необычно и объясняется, по его мнению, разностью редакций [Muhlberger, 1990, р. 115].

Однако здесь следует остановиться на нескольких замечаниях. Обращает на себя внимание пуганица в консулах в рукописях семейства, отно-

сящегося к предполагаемой версии 451 г., о чём писала Д. Брукс [Brook's, 2014, p. 25]. А упомянутый incipit может быть вставлен преднамеренно переписчиком, чтобы учесть продолжение издания 445 г. другим(и) автором(ами). Такой случай, например, есть в рукописи R, имеющей продолжение до 457 г. [Mommsen, 1892, p. 486–493].

В отношении тезиса о тематическом единстве повествования 446–451 гг. заметим, что тема борьбы с ересями поднимается на всём протяжении Хроники. К тому же сообщение о значимости в этом деле Льва I актуально не только для предполагаемой редакции 451 г., но и для следующей. И третий аргумент — упоминание Халкидонского собора в 453 г. обусловлено тем, что Лев I согласился с его решениями именно в этом году. Принятие Халкидонским собором 28-го правила о привилегиях константинопольской кафедры вызвало первоначально резкий протест Льва, в результате чего стал разгораться конфликт с церковными иерархами Востока [Грацианский, 2016, с. 48–86]. Дальнейшее развитие противостояния могло привести к полной изоляции римской церкви, поэтому понтифик идёт на некоторое смягчение позиции, направив в 453 г. участникам Собора письмо с частичным признанием постановлений, принятых в Халкидоне [Грацианский, 2018, с. 76]. Д. Брукс назвала «серьёзной ошибкой» датировку Проспером этого Собора не 451, а 453 годом [Brook's, 2014, p. 18]. Но в данном случае, вероятно, речь должна идти не об ошибке, а об утверждении аквитанца, пишущего, что в 453 г. «Synodus Chalcedonensis peracta» (Халкидонский Собор был завершён [курсив мой. — А. С.]) (Prosp. 1169). Для хрониста точку в деятельности Собора поставило упомянутое письмо Льва I.

Итак, считаем возможным согласиться с мнением Р. В. Бёрджеса, М. Куликовски [Burgess, 2013, p. 184] и Д. Брукс [Brook's, 2014, p. 25]: издание 451 г. является недоказанным. Но вместе с этим заметим, что не все современные исследователи расценивают выдвинутые контраргументы как исчерпывающие, поэтому в обобщающих трудах, посвящённых источникам V в., авторы ограничиваются лишь выражением сомнения относительно версии 451 г. [Zecchini, 2003, p. 338].

Таким образом, следует утверждать наверняка о трёх изданиях Хроники — от первого до последнего прошло более 20 лет. Можно было бы предположить, что источник даёт редкую возможность увидеть изменение взглядов конкретного человека на протяжении длительного времени.

Но состояние рукописей не позволяет целостно представить тексты каждой из версий. Все редакции содержали не только расширенную хронологию с соответствующими заметками, но и добавления в уже написанную часть. Приведём пример. В главе 1278 (422 г.) рассказывается о том, как римское войско лишилось талантливого полководца Бонифация. В издании 445 г. запись заканчивается словами: «Это было началом многих неприятностей для государства» [MGH, 1892, p. 469]. Две значимые рукописи, сохранившие версию 455 г., содержат продолжение после *labogum — et malorum sequentium* («и последующих бедствий»). Размышляя в 455 г. о событиях предшествующих лет, Проспер понимал, что если бы не уход Бонифация, то Рим не потерял бы Африку и вандалы не усилились бы настолько, чтобы позже учинить разгром в «вечном городе». Но это один из примеров, который, как кажется, действительно демонстрирует разницу двух изданий. Д. Брукс в диссертации 2014 г. попыталась реконструировать версию 445 г., очистив её от интерполяций [Brook's, 2014, p. 49–67]. Но такая попытка довольно холодно была встречена критиками: после исключения (порой спорного) более поздних вставок, отклонений от образца 455 г. остаётся довольно скупой текст, поэтому чёткое содержательное разведение двух редакций едва ли оправдано [Kötter, 2016, s. 52]. Канадский историк основывалась на классификации рукописей Т. Моммзена, который и распределил дошедшие списки по изданиям [Mommsen, 1892, p. 342]. Однако самому немецкому учёному данная работа не позволила унифицировать текст Хроники и выявить бесспорный текст 455 г. для публикации в своём монументальном труде: часто встречаются записи в квадратных скобках или параллельные столбцы, где Моммзен фиксировал альтернативное прочтение или возможное добавление. Другими словами, получилась смешанная версия, и вряд ли можно уверенно представить тексты отдельно для изданий 445 и 455 гг., не говоря уже о версии 433 г.

Итак, работа над Хроникой продолжалась в 430–450-е гг. Примечательно, что в Константинополе практически в тот же период (430–440-е гг.) над церковными историями трудятся Сократ, Созомен, Феодорит Киррский. Все они, продолжая Евсевия Кессарийского, используют одни и те же источники, вследствие чего создают схожие тексты. И. Ю. Ващева не склонна считать эти произведения порождением пропаганды и видит в них функцию самоидентификации общества в условиях кризиса римской идентичности. По её

мнению, необходимо было связать адекватно прошлое и настоящее, отобрать события, осмысляя таким образом предшествующий период заново [Ващева, 2011, с. 17–18]. Действительно, те мировоззренческие перемены, которые переживало римское общество V в., дают основания для подобных рассуждений. Однако отрицать и другой контекст — становление церкви и её догм — не представляется целесообразным. В это время происходит оформление понятия «ересь», на Вселенских соборах наблюдаются споры вокруг основных положений христианства, в том числе, пасхального календаря, идёт борьба между епископатами за лидерство в христианском мире. Не случайно деятельность указанных выше авторов по написанию историй падает на время после Эфесского собора 431 г., где рассматривался вопрос о несторианстве, и предшествующее Халкидонскому собору 451 г., который осудил евтихианство. Таким образом, как на Западе, так и на Востоке ощущается необходимость исторических произведений.

В связи с длительным промежутком времени, в рамках которого Проспер писал Хронику, представляется логичным обозначить ещё одну важную проблему — используемые источники, что позволит обратиться и к вопросу технологии работы Проспера.

Тиро не оставил нам теоретического предисловия к своему труду, но, вероятно, он солидаризировался с некоторыми установками Иеронима. Переводчик Евсевия объясняет окончание повествования 378 годом следующим образом: «Довольный этой конечной точкой, я оставил оставшееся время Грациана и Феодосия для пера более широкой истории. Не то чтобы я боялся свободно и правдиво писать о живых людях — потому что страх перед Богом изгоняет страх людей — но потому что, пока варвары все ещё бушуют здесь, на нашей земле, все остается неопределённым» (Hier. Praef.). Другими словами, Иероним мог бы продолжить рассказ и дальше, но не сделал этого, посчитав 378 г. рубежной датой — датой, знаменующей окончание определённого исторического цикла¹. В приведённой цитате прослеживается восприятие новой династии Феодосия как ещё неустойчивой. Иероним явно опасался излагать последующие события: для него совершенно очевиден водораздел между историей и современностью. Проспер же — активный полемист своего времени — напротив, не боится актуальных во-

просов и использует, казалось бы, объективное хронологическое изложение для определённых целей, которые станут понятны, если обратиться к содержательной части текста.

До 422 г. события излагаются максимально кратко, шаблонно, но насыщены именами и географическими указаниями. Приведём несколько примеров:

«1183 (384 г.). В Британии в результате воинского мятежа императором становится Максим. Вскоре он переправился в Галлии, [и] в Паризиях одержал вверх над Грацианом благодаря предательству начальника войска Меробавда. Грациан, устремившись в бегство, был схвачен в Лугдуне и убит. Максим делает соправителем по царству своего сына Виктора».

«1263 (417 г.). Гонорий с триумфом вступает в Рим, при этом перед его колесницей [пленником] выступает Аттал; ему [Гонорий позднее] приказал жить изгнанником на Липарских островах».

Частое упоминание географических объектов и действующих лиц дало основание утверждать, что в основе этих сообщений лежат консульские анналы. Указанный жанр начинает распространяться в конце IV в. [Bagnall, 1987, p. 1–13]. В это время консулы уже не являлись политически значимыми фигурами, но система изложения событий через эпонимных магистратов являлась более удобной в связи с нестабильностью во властных верхах, а также с окончательным разделением империи на две части в 395 г. Счёт лет по императорам мог бы породить путаницу. С конца IV в. и счёт по Олимпиадам становится невозможным вследствие запрета на проведение игр.

Нет необходимости специально останавливаться на многочисленных хронологических ошибках, которые имеются в исследуемом тексте, особенно в эпитоме. Этому вопросу посвящено много литературы. Тон здесь задал О. Хольдер-Эггер, который отметил довольно легкомысленное отношение Проспера и даже безразличие к датировкам, проявляющееся в округлении до целых лет времени правления императоров, перестановке событий [Holder-Egger, 1876, s. 79]. Л. Валентин подтверждает конкретными примерами некачественную работу Проспера с хронологией, но замечает, что в «оригинальной» части аквитанец более точен, чем историки, датировавшие события по «царской» хронологии (как например, Идаций или автор Хроники 452 г.) [Valentin, 1900, p. 430–436]. От такого позитивистского подхода отказались современные авторы, которые не стремятся

¹ Аммиан Марцеллин, например, повествование оканчивает тоже 378 г. — Адрианопольским сражением.

обвинить аквитанца в ошибках, а пытаются понять, намеренно или нет они были совершены; и если намеренно, то с какой целью. Так, М. Хамфрис специально исследовал неправильную датировку Проспером смерти императора Грациана и заметил, что это заблуждение является не следствием неумелости позднеантичного автора, а его усилий по формированию нового историографического жанра. Хронист вынужден был опираться в некоторых случаях на разные источники, предоставлявшие противоречивую информацию, которую сложно было проверить [Humphries, 1996, p. 174–175]. К этому можно добавить выводы Р. В. Бёрджеса. В III–V вв. консулярии тиражировались в большом количестве. Высокая скорость копирования часто приводила к небрежности — отсюда возникали ошибки, попадавшие в хроники [Burgess, 2000, p. 286–287].

Канадский исследователь достаточно аргументированно доказал, что хронистами Поздней античности не всегда могла использоваться официальная информация. По Римской империи циркулировало большое количество консулярий. Наибольшей популярностью пользовались те, которые содержали информацию за последние 50–70 лет. Проблемы доступа к таким документам не было — их можно было приобрести у книготорговцев. Вместе с тем на уровне высшей власти не предпринималось никаких попыток к унификации бытующих в обществе списков [Burgess, 2000, p. 283–284]. Поэтому совершенно прав А. С. Козлов, который, сравнив текст Проспера с *Consularia Vindobonensis* (или *Fasti Vindobonensis*, по Т. Моммзену), пришёл к выводу, что вторая Хроника не опирается на первую. Но в них есть много общего, что позволяет возвести их к общему источнику [Козлов, 2018, с. 24].

М. Хамфрис, найдя ряд схожих сообщений у Проспера, Идация и в *Consularia Constantinopolitana*, сформулировал следующее суждение: два первых автора использовали источник, восходящий к *Consularia Constantinopolitana* (для событий до 388 г.) [Humphries, 1996, p. 162]. Константинопольские консулярии были широко распространены в империи во время написания Проспером хроники. Они переписывались для знатных семей и циркулировали по всему Средиземноморскому региону. М. Хамфрис также подчёркивает обилие неофициальных версий консулярий в первой половине V в. Для описания событий после 388 г. Проспер использовал консульские анналы, вероятно, италийского происхождения — *Consularia Italica* [Muhlberger, 1990, p. 45–46; Burgess, 2013,

p. 178], содержащие светскую версию истории. Этот источник позволяет выстроить историю династии, восходящей к Феодосию I, а также проследить попытки узурпации власти. *Consularia Italica* сохранилась только в компиляции конца V в., известной как *Consularia Vindobonensia*. В совокупности исследования А. С. Козлова и М. Хамфриса позволяют утверждать, что Проспер опирался на какой-то ранний источник, связанный как с *Consularia Vindobonensis*, так и с *Consularia Constantinopolitana*.

Итак, о близости текста Проспера консуляриям вплоть до 1277-й главы свидетельствуют: шаблонность записей, простые предложения страдательной конструкции, минимум содержательных подробностей, точные даты и частое упоминание места и действующих лиц [Muhlberger, 1990, p. 27]. Авторского начала практически не прослеживается. Запись начинается с перечисления консулов, далее идёт формула *his consilibus* (*his cons*), затем — повествование. Если же нужно было обозначить сразу несколько происшествий для одного года, то использовались для второго и последующих событий вводные фразы: *in ipso anno*, *in eo anno*, или просто *et*. Интересны в этой связи данные, приведённые Д. И. Суровенковым. Московский историк ввёл такой коэффициент, как географическое разнообразие, то есть «соотношение количества названий в топографическом списке и общего количества лет, охваченных в хронике». На 78 лет приходится 40 единиц в топографическом списке, коэффициент — 0,51, что в сравнении с другими позднеантичными хрониками является средним показателем [Суровенков, 2010, с. 47–48]. Но в данном случае Д. И. Суровенков изучал издание 455 г., и если бы он проделал арифметические расчёты для каждой из редакций, то для первой из них этот коэффициент был бы несравнимо выше, потому что изначально Проспер использовал консулярии с их стремлением к точной локализации описываемого.

В соответствии со стилем консулярий Проспер строит и эпитому, опирающуюся на текст Евсевия-Иеронима. Аквитанец значительно упрощает хронологию, отказывается от табличной формы и исключает либо сокращает отдельные записи. Безусловно, эти операции он выполняет сознательно, и выбор тех или иных сообщений из произведений предшественников обусловлен его концепцией, позволяющей выделить важное. Заметно, что Проспера гораздо меньше, чем Иеронима, интересовала история греков и восточных народов. В части до Троянской войны он оставил

только самые известные легенды, немногословные сведения об основании знаменитых городов (Мемфиса, Эпидавра, Коринфа, Кизика, Тира и многих других), значимые для хронологических измерений имена правителей. Причём Тиро зачастую не пересказывал те же предания, а лишь кратко фиксировал. Например, в 74-й главе имеется такая строчка «Аргонавты в это время были», а в 84-й сказано просто: «Легенда о Минотавре». Конечно, автор подразумевает широкую известность для читателей приведённых легенд, но складывается впечатление о желании пишущего быстро «пробежаться» по древней истории, лишь маркировав односложным образом даты. Львиная доля политической и культурологической информации, переданной Евсевием и Иеронимом, была исключена.

Напротив, библейская и римская история пользовались у автора гораздо большим уважением. Соответствующие события излагаются максимально пространно. Например, в 155-й главе сказано следующее: «Того же самого [времени] на 11 год царской власти Ахаза 10 триб родов иудейских, которые назывались Израилем и были частью Самарии, побеждены Сеннахерибом, которые Салманасаром, царем холдеев были переселены в горы Мидии. А Сеннахериб для защиты региона Иудеи поселил ассирийцев, которые, став последователями законов Иудеи, получили стали именоваться самаритянами, что на латинском языке означает “стражники”».

Проспер, безусловно, ориентировался на определённый круг читателей, каковыми являлись граждане Западной Римской империи, причём, вероятно, среднего образовательного уровня. Для них прошлое Рима вызывало наибольший интерес, а меньший — мифологическое предание греков и восточных народов. Поэтому важно было, например, включить сведения о численности гражданского населения, согласно цензовым спискам, в разные периоды истории — это демонстрировало рост могущества квиритов и усиливало патриотические чувства. Внимание же к библейской истории отражало религиозные симпатии Проспера.

Заметим также, что аквитанец убирает из текста Евсевия-Иеронима ссылки на источники информации. Для Памфила характерно активное использование сравнительно-исторического метода и критическое отношение к дошедшей традиции [Ващева, 2006, с. 210–219]. Легко заметить кропотливую предварительную работу кесарийского епископа, его желание передать достоверные

сведения. Упоминание же им различных авторов (источников) усиливает впечатление о фундаментальности труда. Обратную ситуацию наблюдаем в Хронике Проспера. Выбранный стиль повествования не предполагает ни «эпического раздолья», ни двойственного толкования произошедшего. Аквитанец не даёт нам возможности проникнуть в свою «творческую лабораторию». Он даже не оставил никакого теоретического введения, отнеся, видимо, подобного рода рассуждения к излишеству. Здесь наш автор не был уникальным. Распространявшийся в IV–V вв. жанр бревиариев также не предполагал серьёзной исследовательской работы, а проводившаяся догматизация церковных канонов в IV–V вв. устраняла возможность двойственной интерпретации как в отношении церковных, так и светских дел. Подбор событий и способ их объяснения у Тиро соответствовал замыслу и уровню публики. Всё же аудитория Евсевия на Востоке была несравненно более образована.

Для иллюстрации сказанного приведём пример из главы 416: «Этот Клавдий [речь об императоре. — А. С.] есть дядя Друза по отцовской линии, который имеет памятник у Магонтиакума». У Иеронима имеется продолжение, исключённое Проспером: «...В другом месте я читал, что он был дядей по материнской линии, потому что он был братом матери Гая» (Hier. Olymp. 205. 1). Другими словами, изъятая оказывается именно «дискуссионная» часть. Зато, например, разрушение Иерусалима при императоре Тите очень подробно и без сокращений описано: «Тит захватил Иудею и, разрушив Иерусалим, 600 000 человек погубил. Иосиф пишет [одна из немногих ссылок, которую Проспер приводит. — А. С.], что от голода и меча погибло 1 000 000 человек, и другие 100 000 человек были проданы публично. А что в Иерусалиме находилось так много людей, причина этого в празднике опресноков, из-за чего [люди] ото всех народов Иудеи к храму собравшись, были заключены в городе почти как в тюрьме, ибо следовало им быть умерщвленными в эти дни, в которые они распяли на кресте Спасителя» (Prosp. 478). Очевидно, что в библейской истории описываемым событиям отводится важное значение. Не менее значимы они были и для Проспера как христианина.

С 422 г. изложение становится более насыщенным. Хорошо видна тщательная литературная работа автора. Проспер передаёт не только официальные сообщения, но и снабжает их дополнительными сведениями — вероятно, читатель

имеет уже дело и с впечатлениями самого аквитанца как современника событий. Однако насыщенность описания не всегда означает того, что Тиро лично наблюдал изложенное. Так, драматическое повествование о захвате Рима вандалами 455 г. (Prosp. 1375) не должно вводить в заблуждение — подобная картина паники, безвластия, грабежа, учинённого захватчиками, вполне может быть использована в рассказе о падении любого другого крупного города древности, тем более, если в концепции автора такой исход вполне объясним и логичен.

Итак, являлся ли Проспер очевидцем некоторых из изложенных политических событий? Для выяснения данного вопроса обратимся к его биографии автора. Он родился около 390 г. в Галлии (Аквитании), и до 426/427 г. о его деятельности практически ничего неизвестно. В начале второй четверти V в. Проспер, обеспокоенный растущей критикой богословских взглядов Августина в Марселе и других областях Южной Галлии, пишет гиппонскому епископу письмо [Muhlberger, 1990, p. 46]. Оппозиция по отношению к пелагианству и ярая защита Блаженного Августина сделали Проспера известным в своём регионе. В 431 г. аквитанец направляется в Рим к папе Целестину, чтобы просить помощи в осуществлении своей пропагандистской деятельности в борьбе с ересями [Muhlberger, 1990, p. 50–51], после чего возвращается в Галлию. Локализация последующего его проживания вызывает споры в историографии, на которых важно остановиться, так как проблема связана с выяснением вопроса о месте написания Хроники. О. Хольдер-Эггер выдвинул версию, которая стала на долгое время превалирующей: после возвращения из Рима аквитанец прожил в Галлии несколько лет и вскоре снова уехал в Рим, где навсегда и поселился, став личным секретарём папы римского Льва I [Holder-Egger, 1876, s. 58, 63].

Р. А. Маркус и Д. Брукс, не соглашаясь с распространённым в историографии мнением [Holder-Egger, 1876, s. 58, 85; Valentin, 1990, p. 135–137, 426; Zecchini, 2003, p. 338 etc.], полагают, что Проспер не состоял секретарём папы Льва I [Markus, 1986, p. 36–40; Brook's, 2014, p. 15]. По мнению Д. Брукс, ошибка О. Хольдер-Эггера восходит к неправильному цитированию Геннадия Адо Венским (IX в.) [Brook's, 2014, p. 15]. Действительно, если обратиться к оригинальному тексту *De viris illustribus* (85), можно заметить, что Проспер написал лишь те письма Льва, которые направлены против Евтихия (*Epistulae*

quoque Papae Leonis adversus Eutychen de vera Christi incarnatione ad diversos datae ab isto dictatae creduntur) — не более того. Относительное частое упоминание Льва I в Хронике (Prosp. 1336 (?), 1341, 1350, 1358, 1367, 1369, 1378) нельзя считать аргументом в пользу доказательства службы Проспера у римского епископа, а объясняется, с одной стороны, длительным нахождением Льва на папском престоле (440–461 гг.) и тем, что именно в годы понтификата Льва I Тиро пишет заключительную часть своей Хроники. Очевидно почтительное отношение искреннего приверженца римской церкви (вне зависимости от занимаемого поста) к своему духовному владыке (об этом свидетельствуют словосочетания *vir sanctis, beatissimus papa Leo*) [Brook's, 2014, p. 16–17]. Важным, по нашему мнению, доказательством в пользу мнения Д. Брукс служат последние строки Хроники (1376): фактически Проспер выражает несогласие с компромиссной позицией Льва и признанием им «восточной» даты Пасхи — мог ли данные строки написать секретарь понтифика? Поэтому приходится констатировать недостаточность аргументов для определения Проспера секретарём папы римского. Но добавим, что, скорее всего, эти два человека — Лев I и Проспер — знали друг друга. Аквитанец был хорошо осведомлён о деятельности Льва и всячески одобрял её. Этим, например, обусловлено упоминание посольства к Аттиле во главе с понтификом в 452 г. (Prosp. 1367), благодаря которому гунны ушли за Дунай, появление в тексте сообщения об участии диакона Льва в примирении Аэция и Альбина (Prosp. 1341). Знакомство Проспера и Льва произошло, по всей видимости, ещё во время посещения Рима Проспером и Хиларием в 431–432 гг., когда Лев состоял диаконом [Valentin, 1990, p. 135]. По мнению Р. А. Маркуса, эта дружба и позволила получить доступ к государственным архивам для написания Хроники, и необязательно было при этом числиться секретарём понтифика [Markus, 1986, p. 36]. Но, как уже упоминалось, проблемы доступа к консуляриям в принципе не существовало.

Точку зрения Р. А. Маркуса и Д. Брукс подтверждает и фрагмент из «Библиотеки» Фотия (IX в.): «А затем недолго, как будто растёт горький корень бесстыдства, в Риме некоторые [люди] стали открыто говорить об [этой] ереси. Но некий (τις) Проспер, человек действительно боголюбивый, сочинив против них книги, уничтожил их, пока ещё вышеупомянутый Лев правил римским престолом. Эту ересь означили как проклятую

и в святом Эфесском синоде» (Bibl. Cod. 54). Заметим, что источники Фотия не позволяют обозначить должность Проспера и его статус — автор ограничился неопределённо-личным местоимением.

Точно так же нет никаких прямых доказательств того, что Проспер жил длительное время и работал в Риме. В этой связи заслуживают внимания подсчёты Д. И. Суровенкова частоты упоминания различных регионов: Галлия встречается 15 раз; Африка — 13; Испания — 6; Италия — 5; Сицилия — 4; Британия, Фракия, Паннония — по 2, Далмация, Иллирик, Восток в целом — по 1 [Суровенков, 2010, с. 38–39]. Вряд ли эти цифры свидетельствуют о патриотизме Проспера, родившегося, как отмечалось, в Аквитании. Невозможно не видеть, что так или иначе затронуты все наиболее значимые регионы Западной Римской империи. Тезис об особом внимании Проспера к римским делам не подтверждается. Причём локации фигурируют в рассказах об узурпациях, о появлении и распространении ересей. Отсюда можно сделать важный вывод — судьба Западной Римской империи решается не в «вечном городе» и даже не в Равенне, а в регионах. И Галлия являлась важнейшим из них. Примечательно, что Равенна, где в V в. находился императорский двор, совершенно не упоминается в Хронике.

Как уже утверждалось, насыщенное описание взятия Рима вандалами 455 г. также не может свидетельствовать о непосредственном наблюдении Проспером этого события. К тому же, аквитанец неточен в сообщении об обстоятельствах смерти Валентиниана III [Brook's, 2014, p. 18]. Подобные детали заставляют усомниться, писал ли Проспер Хронику в Риме. Возможно, всё же он находился в Галлии. Но О. Хольдер-Эггер замечает, что Проспер мало внимания обращает на события в Галлии — ничего, например, не говорится о нападении на Орлеан Аттилы в 451 г., нет свидетельств (или же об это сказано кратко — в зависимости от рукописи) о разрушении Аквилей [Holder-Egger, 1876, s. 63]. На это можно возразить следующее: Проспер включал в повествование такие события, которые вписывались в общую концепцию изложения. Судя по тексту его не интересовали варварские набеги как таковые, но только те, которые связаны были с узурпацией римской власти.

Другие произведения, которыми пользуется Проспер, практически неуловимы. Споры не вызывают опора на *De haeresibus* Августина. Текст гиппонского епископа позволил аквитанцу под-

робно описать ереси и таким образом сделать на них акцент. Кроме того, очевидно использование *Liber generations* для изложения истории до Авраама, списка епископов Рима, местных галльских источников. В отношении других попыток обнаружить источники С. Мюльбергер категорично заявил, что какой-либо конкретный источник, используемый Проспером для описания политических событий, невозможно опознать [Muhlberger, 1990, p. 75]. Если искать текстологические сходства, то результаты окажутся малы. Так, в качестве предположения О. Хольдер-Эггер заявил о наличии связи между главами о пелагианстве и сочинениями *Liber contra collatorem* и *Carmen de ingratis* [Holder-Egger, 1876, s. 61–61]. Другими словами, с помощью исторического экскурса и создавая исторический контекст (что позволял сделать жанр хроники), аквитанец приводит дополнительные аргументы для своих богословских идей. Также немецкий исследователь логично предположил, что Проспер как преданный последователь Августина должен был знать Павла Орозия. По наущению именно гиппонского епископа написаны *Historiae adversus paganos*. Для подтверждения выдвинутого тезиса О. Хольдер-Эггер разбирает сюжет, относящийся к 400 г., и приходит к выводу, что и Проспер, и Орозий ошибочно полагают, что готский король Радагайз вторгся в Италию одновременно с Алларихом [Holder-Egger, 1876, s. 87]. Но вполне можно предположить использование авторами какого-то третьего источника с данным заблуждением. К тому же никакого словесного сходства между текстом Проспера и Орозия нет, только в содержании сообщения.

Итак, с высокой степенью вероятности можно сделать вывод о существовании редакций Хроники 433, 445, 455 гг. Проспер писал её, находясь в Галлии, на протяжении 430–450-х гг., используя одну из неофициальных версий консулярий (в версии, не дошедшей до нашего времени напрямую), циркулировавших в большом количестве в Западной Римской империи, а также *De haeresibus* Аврелия Августина и *Liber generationes*. Использование других источников однозначно доказать невозможно.

При этом наиболее завершённой в концептуальном смысле выглядит версия 455 г., а редакции 433 и 445 гг. ещё отличаются определённой фрагментарностью концепции. Но от редакции к редакции заметки становятся всё больше, а в последней версии погодные записи обретают вид самостоятельных рассказов. Проспер зарекомен-

довал себя благодаря ей как историк-хронист. Разгром Рима вандалами 455 г. явился тем эпохальным событием, которое помогло придать смысл

предшествующим событиям и позволило поставить точку в написании Хроники.

Список литературы

1. Ващева, И. Ю. Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма / И. Ю. Ващева. — СПб. : Алетейя, 2006. — 272 с.
2. Грацианский, М. В. Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора / М. В. Грацианский. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2016. — 391 с.
3. Грацианский, М. В. Папа Лев Великий и пасхалистические споры середины V в. в контексте межцерковных и церковно-государственных отношений / М. В. Грацианский, П. В. Кузенков // Византийский временник. — 2018. — Т. 102. — С. 71–95.
4. Козлов, А. С. *Fasti (Consularia) Vindobonensis* как хроника // Античная древность и средние века. — 2018. — Вып. 46. — С. 10–32.
5. Суровенков, Д. И. Категория времени в хронике Комита Марцеллина / Д. И. Суровенков // Источниковедческие исследования. — 2006. — Вып. 3. — С. 9–53.
6. Суровенков, Д. И. Категория пространства в Хронике Комита Марцеллина (в контексте ранней латиноязычной христианской хронистики) / Д. И. Суровенков // Древнейшие государства Восточной Европы: 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах / отв. ред. Г. В. Глазырина. 2010. — С. 22–72.
7. Bagnall, R. S. *Consuls of the Later Roman Empire* / R. S. Bagnall, A. Cameron, S. R. Schwartz, K. A. Worp. — Atlanta: American Philological Association, 1987. — 760 p.
8. Brook's, D. *Prosper's chronicle: A critical edition and translation of the edition of 445*. A thesis submitted to the Faculty of Graduate and Postdoctoral Studies in partial fulfillment of the requirements for the Master of Arts degree in Classical Studies / D. Brook's. — Ottawa, 2014. — 90 p.
9. Burgess, R. W. *Non duo Antonini sed duo Augusti? The Consuls of 161 and the Origins and Traditions of the Latin Consular Fasti of the Roman Empire* / R. W. Burgess // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. — 2000. — Bd. 132. — P. 259–290.
10. Burgess, R. W. *Mosaics of time: the Latin chronicle traditions from the first BC to the sixth century AD*. Vol. 1. / R. W. Burgess, M. Kulikowski. — Brepols, 2013. — 444 p.
11. Holder-Egger, O. *Untersuchungen fiber einige annalistische Quellen zur Geschichte des fünften und sechsten Jahrhunderts I. Die Chronik Prosper's von Aquitanien* / O. Holder-Egger // *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichte*. — 1876. — S. 15–90.
12. Humphries, M. *Chronicle and chronology: Prosper of Aquitaine, his methods and the development of early medieval chronography* / M. Humphries // *Early Medieval Europe*. — 1996. — № 5 (2). — P. 155–175.
13. Kötter, J.-M. *Prosper Tiro, Chronic. Einleitung* // *Kleine und fragmentarische Historiker der Spätantike*. G5–6 / J.-M. Kötter / Eds. B. Bleckmann und M. Stein. — Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2016. — S. 3–60.
14. Markus, R. A. *Chronicle and Theology: Prosper of Aquitaine* // *The Inheritance of Historiography 350–900* / R. A. Markus / Ed. by C. Holdsworth and T. P. Wiseman. — Liverpool : Liverpool University Press, 1986. — P. 31–44.
15. Muhlberger, S. *Prosper's Epitoma chronicon: Was There an Edition of 443?* / S. Muhlberger // *Classical Philology*. — 1986. — Vol. 81, № 3. — P. 240–244.
16. Muhlberger, S. *The fifth-century chroniclers: Prosper, Hydatius, and the Gallic Chronicler of 452* / S. Muhlberger. — Leeds: Francis Cairns Publications, 1990. — 329 p.
17. Valentin, L. *Saint Prosper d'Aquitaine: Étude sur la littérature latine ecclésiastique au cinquième siècle en Gaule* / L. Valentin. — Paris : Picard, 1900. — 934 p.
18. Zecchini, G. *Chapter Ten Latin Historiography: Jerome, Orosius and the Western Chronicles* / G. Zecchini // *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.* / ed. by G. Marasco. — Leiden : Brill, 2003. — P. 317–348.

Сведения об авторе

Скворцов Артем Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук. Санкт-Петербург, Россия. artyom-skvorcov@yandex.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2021. No. 2. P. 94–105.

The Chronicle of Prosper of Aquitaine: the issue of editions and sources

A.M. Skvortsov

*Saint-Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia. artyom-skvorcov@yandex.ru*

The article provides an overview of historiographical views on possible versions of the Chronicle of Prosper of Aquitaine. At the end of the 19th century T. Mommsen defined five versions of the “Chronicle”: 433, 443, 445, 451 and 455. The author of the article, reviewing the evidence for each of them, came to the conclusion that there are reliable versions of the Chronicle of 433, 445 and 455. However, only the latter is conceptually complete, while the rest are characterized by fragmentation of the concept. Versions 443 and 451 should be regarded as unproven. It is argued that Prosper was not the secretary of Pope Leo I, however, had access to the unofficial consular offices used in large numbers in the Western Roman Empire. The Chronicle was most probably compiled in Gaul during the 430s and early 450s. There is no reliable evidence that Prosper compiled the text in Rome. In addition to the *Consularia*, Prosper used the *De haeresibus* of Augustine of Hippo and the *Liber generationes*. The Aquitanian was so creative in his work that it is almost impossible to identify all the sources used.

Key words: *Prosper of Aquitaine, late antiquity, chronicle, historiography of antiquity, historiography.*

References

1. Vashcheva I.Yu. Evsevij Kesarijskij i stanovlenie rannesrednevekovogo istorizma [Eusebius of Caesarea and the Formation of Early Medieval Historicism]. St. Petersburg, 2006. 272 p. (In Russ.)
2. Gracianskij M.V. Imperator Yustinian Velikij i nasledie Halkidonskogo Sobora [Emperor Justinian the Great and the Legacy of the Council of Chalcedon]. Moscow, 2016. 391 p. (In Russ.)
3. Gracianskij M.V. Papa Lev Velikij i paskhalisticheskie spory serediny V v. v kontekste mezhcerkovnyh i cerkovno-gosudarstvennyh otnoshenij [Pope Leo the Great and the Easter Disputes of the Middle of the 5th Century in the Context of Inter-Church and State-Church Relations], in: *Vizantijskij vremennik*, 2018, vol. 102, pp. 71–95. (In Russ.)
4. Kozlov A.S. Fasti (Consularia) Vindobonensis kak hronika [Fasti (Consularia) Vindobonensia as a Chronicle], in: *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2018, iss. 46, pp. 10–32. (In Russ.)
5. Surovenkov D.I. Kategoriya vremeni v hronike Komita Marcellina [Category of time in the chronicle of Count Marcellinus], in: *Istochnikovedcheskie issledovaniya*, 2006, iss. 3, pp. 9–53. (In Russ.)
6. Surovenkov D.I. Kategoriya prostranstva v Hronike Komita Marcellina (v kontekste rannej latinoyazychnoj hristianskoj hronistiki) [The category of space in the Chronicle of Count Marcellin (in the context of early Latin-language Christian chronicles)], in: *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy: 2006 god: Prostranstvo i vremya v srednevekovykh tekstakh*, 2010, pp. 22–72. (In Russ.)
7. Bagnall R.S. et al. *Consuls of the Later Roman Empire*. Atlanta, American Philological Association, 1987. 760 p.
8. Brook's D. Prosper's chronicle: A critical edition and translation of the edition of 445. A thesis submitted to the Faculty of Graduate and Postdoctoral Studies in partial fulfillment of the requirements for the Master of Arts degree in Classical Studies. Ottawa, 2014. 90 p.
9. Burgess R.W. Non duo Antonini sed duo Augusti': The Consuls of 161 and the Origins and Traditions of the Latin Consular Fasti of the Roman Empire, in: *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 2000, bd. 132, pp. 259–290.
10. Burgess R.W., Kulikowski M. *Mosaics of time: the Latin chronicle traditions from the first BC to the sixth century AD*. Vol. 1. Brepols, 2013. 444 p.
11. Holder-Egger O. Untersuchungen fiber einige annalistische Quellen zur Geschichte des fünften und sechsten Jahrhunderts I. Die Chronik Prosper's von Aquitanien, in: *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichte*, 1876, ss. 15–90.
12. Humphries M. Chronicle and chronology: Prosper of Aquitaine, his methods and the development of early medieval chronography, in: *Early Medieval Europe*, 1996, no. 5(2), pp. 155–175.

13. Kötter J.-M. Prosper Tiro, Chronic. Einleitung, in: *Kleine und fragmentarische Historiker der Spätantike*. G5–6. Eds. B. Bleckmann und M. Stein. Paderborn, Ferdinand Schöningh, 2016. S. 3–60.
14. Markus R.A. Chronicle and Theology: Prosper of Aquitaine, in: *The Inheritance of Historiography 350–900*. Ed. by C. Holdsworth and T. P. Wiseman. Liverpool, Liverpool University Press, 1986. Pp. 31–44.
15. Muhlberger S. Prosper's *Epitoma chronicon*: Was There an Edition of 443?, in: *Classical Philology*, 1986, vol. 81, no. 3, pp. 240–244.
16. Muhlberger S. *The fifth-century chroniclers: Prosper, Hydatius, and the Gallic Chronicler of 452*. Leeds, Francis Cairns Publications, 1990. 329 p.
17. Valentin L. *Saint Prosper d'Aquitaine: Étude sur la littérature latine ecclésiastique au cinquième siècle en Gaule*. Paris, Picard, 1900. 934 p.
18. Zecchini G. Chapter Ten Latin Historiography: Jerome, Orosius and the Western Chronicles, in: *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.* Ed. by G. Marasco. Leiden, Brill, 2003. Pp. 317–348.